

DOI: 10.24412/2470-1262-2021-3-17-26

УДК (UDC) 82-311.4
Vassili V. Bouilov
University of Eastern Finland,
Joensuu, Finland

Буйлов В.В.,
Университет Восточной Финляндии / UEF,
Йоэнсуу, Финляндия

*For citation: Bouilov Vassili V. (2021).
The Concept of the New Man in the Prose of Andrei Platonov
and the Class Struggle as a Verdict on the Old World.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 6, Issue 3 (2021), pp. 17-26 (in USA)*

*Manuscript received 08/09/2021
Accepted for publication: 30/09/2021*

*The author has read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0*

**КОНЦЕПТ «НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК» В ПРОЗЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА
И КЛАССОВАЯ БОРЬБА КАК ПРИГОВОР СТАРОМУ МИРУ**

**THE CONCEPT OF *THE NEW MAN* IN THE PROSE OF ANDREI PLATONOV AND
THE CLASS STRUGGLE AS A VERDICT ON THE OLD WORLD**

Abstract:

Andrei Platonov's critical thoughts and reflections, which desperately warned about the danger of historically negative deviations in the development of society and embodied in his previously officially banned key prose texts, plays, film scripts, have reached us with great delay. Even archives with secret reports on the writer to the state security services about his direct criticism of the existing system have been open to the public only recently. The thoughts and public statements of the writer, scrupulously protocolled in these anonymous reports, help to realize how deeply he realized the utopian and totalitarian essence of the existing political system from its inside. Platonov's sharp criticism of the state and power, which declaratively proclaimed the creation of The Ideal Society and The Ideal New Man, is the essence of Platonov's Dystopia, which found its concentrated literary embodiment in Platonov's short novel *The Foundation Pit* and entered in this short novel into the most severe collision with Utopia.

Keywords: Andrei Platonov's Utopia and Dystopia, The New World and The Old World, the idea of forming The New Man and its practical implementation, concept decoding, the concept of The New Man, ontological antithesis, ideological mirage, totalitarian ideology, Platonov's literary collision of Utopia and Dystopia.

Аннотация:

Критические мысли и размышления Андрея Платонова, отчаянно предупреждающие об опасности исторически негативных отклонений в развитии общества и заложенные в его прежде официально запрещенных ключевых прозаических текстах, пьесах, киносценариях, дошли до нас с большим опозданием. Даже архивы с тайными донесениями на писателя в органы госбезопасности о прямо выражаемой им критике существующей системы были открыты для широкой публики только недавно. Скрупулёзно запротоколированные в них мысли и публичные высказывания писателя помогают понять, насколько глубоко он осознал и прочувствовал изнутри утопическую и тоталитарную суть существующей тогда политической системы. Резкая критика Платоновым государства и власти, декларативно провозгласивших создание «Идеального общества» и «Идеального нового человека», составляет суть платоновской Антиутопии, которая нашла свое концентрированное литературное воплощение в повести Платонова «Котлован» и вступила в этой повести в жесточайшую коллизию с Утопией.

Ключевые слова:

Утопия и Антиутопия Андрея Платонова, «Новый Мир» и «Старый «Мир», идея формирования «Нового человека» и ее практическая реализация, декодирование концептов, концепт «Новый человек», онтологическая антитеза, идеологический мираж, тоталитарная идеология, платоновское литературное столкновение Утопии и Антиутопии

Введение

Концепт «Новый человек» является прямой онтологической антитезой **концепту «Масса-Толпа»**, символически и расширенно перекодированному Андреем Платоновым в одном из его ключевых прозаических произведений повести «Котлован» [2] в несколько философски и социально взаимосвязанных концептов, одним из которых и является **«Новый человек»**. Подвиги челюскинцев, стахановцев, папанинцев, чкаловцев, других любимых всех страной героев, вышедших из народа, являли их Отчизне и всему миру примеры мужественного служения Отечеству. Эти герои-энтузиасты вместе с миллионами других энергичных строителей будущего, искренне увлеченных новой Идеей, по праву могут рассматриваться как представители нового типа человека – **советского человека, «нового человека»** советского общества. О таких людях, патриотах, гордых гражданах своей Родины много писал и Платонов. Позже, в годы Великой Отечественной войны, он едет на фронт в качестве военного корреспондента и в своих рассказах, эссе и фронтовых репортажах со всей страстью и выразительностью платоновского слова воспекает гражданский подвиг мужественных защитников Отечества.

В данной статье по причине нашей сосредоточенности на определённых довольно сложных творческих морально-этических и философских аспектах онтологии и писательской мысли Платонова, мы не ставим своей задачей подробное рассмотрение и описание жизни и подвигов этих **новых людей**, славных представителей молодой страны, на поразительных примерах их романтического служения идеалам Революции и мужественного отстаивания ими своих идеалов, рожденных энтузиазмом послереволюционных лет. Социально-классовые истоки убежденности и самоотверженности этих пассионарных и искренне преданных идее революционеров, степень их веры в осуществляемую ими в реальной жизни, светлую для них в их мыслях, представлениях и жизненных устремлениях Утопию и наступившего вслед за этим их собственного глубокого разочарования в этой утопической идее заслуживают особого углубленного рассмотрения на страницах отдельного исследования.

В нашей статье мы стремимся сфокусироваться на той стороне образа и концепта «**Новый человек**», которые подвергаются Платоновым в тексте «Котлована» серьезному критическому осмыслению. Это может быть объяснено тем, что идеалы остаются идеалами, а реальная жизнь расставляет все на свои места. Так произошло и в жизни самого Платонова. Всегда оставаясь в своем творчестве писателем-философом, Платонов со временем выработал в себе такие писательские способности и талант, которые позволяли ему за каждым идеологическим миражом разглядеть его скрытую и не всегда однозначную суть. Посвятив служению коммунистической идее лучшие годы своей наполненной революционным горением, созидательно активной жизни, Платонов при жизни не был ни оценен, ни признан в соответствии со всей масштабностью своего таланта. Ко времени написания «Котлована» он уже становится старательно замалчиваемым на его Родине писателем. Принципиальный защитник правды и справедливости, а с точки зрения мещанской морали, слишком безрассудный и отчаянный, Платонов по своей природе был прежде всего чутким и откровенным, самозабвенно бесстрашным мыслителем, в наиболее полном объеме выразившим свои пережизывающие через край чувства и сомнения не столько в своих ранних классово ориентированных поэзии и публицистике, сколько в своих более поздних и зрелых, уже осмысленных жизнью художественных текстах.

Согласно историко-научным исследованиям архивов, проведенным известным журналистом-расследователем и писателем-публицистом Виталием Шенталинским, автором трилогии «Рабы свободы», «Донос на Сократа» и «Преступление без наказания», до последнего времени носившие гриф секретности архивы КГБ сохранили до наших дней тайные доносы о «политически неблагонадежных» высказываниях Андрея Платонова. Так, например, по свидетельству Шенталинского, в одном из доносов на Платонова сообщается о взволнованном и, с точки зрения его личной безопасности, политически неосмотрительно «дерзком» публичном высказывании писателя, о котором тут же было сообщено «куда следует». Пронзительно ясные в своем словесном выражении и секретно запротоколированные бдительными органами госбезопасности мысли Платонова раскрывают степень провидческого осмысления писателем природы советской власти:

«Из донесения в 3 Отдел 2 Управления НКГБ СССР. (НКГБ – Народный Комиссариат Государственной Безопасности СССР) 5 апреля 1945 г. (Имя осведомителя не публикуется). Тоже это ваше Политбюро! Роботы ему нужны, а не живые люди, роботы, которые и говорят, и движутся при помощи электричества. И думают при помощи электричества. Политбюро нажмет кнопку, и все сто восемьдесят миллионов роботов враз заговорят, как секретари райкомов. Нажмут кнопку – и все пятьсот, или сколько там их есть, писателей, враз запишут, как горбатовы». Он вдруг закричал: «Не буду холопом! Не хочу быть холопом!» [4, с. 32]

На протяжении всей истории становления советского государства краеугольным понятием успешного претворения в жизнь идей социалистического общества, организуемого по принципам коллективизма, являлся вопрос формирования «**Нового человека**», человека **Нового мира**, новой социалистической формации. М. Геллер дает такое определение принципов и моделей формирования нового типа человека в условиях нового советского порядка:

«Великий писатель Андрей Платонов, еще в 20-е годы, предупреждал о начавшемся процессе творения «государственного жителя». Каждая из моделей Советского человека содержит как основную черту — чувство принадлежности к государству,

ощущение себя частицей, «винтиком» государственной машины, членом коллектива. Евгений Замятин через три года после революции в романе «Мы» описал государство будущего, в котором отношения между человеком и системой определены математически точно: «... Две чашки весов: на одной грамм, на другой — тонна, на одной «я», на другой — «Мы», Единое государство. <...> Отсюда распределение: тонне — права, грамму обязанности; и естественный путь от ничтожества к величию: забыть, что ты — грамм и почувствовать себя миллионной долей тонны». Замятин открывает необыкновенно важный закон формирования Нового человека: для достижения цели — создания инструмента строительства Нового мира — необходимо не только желание руководителей расплавить «граммы» в «тонну», но и желание руководимых — «граммов» — влиться в «тонну», врати в коллектив. Успех операции по выведению нового типа человека зависит от степени готовности отказаться от «я», от интенсивности сопротивления процессу, который в 30-е годы обозначался в Советском Союзе металлургическим термином — «перековка». [1, с. 4]

Рассуждения

Повсеместно вводимая и поощряемая в те годы государством широкая практика использования секретными службами тайных доносов по типу вышеприведенного доноса на Платонова приняла масштаб эпидемии. Общественной базой для рекрутирования таких добровольных помощников спецслужб чаще всего становились представители конкретных социально-классовых групп, определяемых самим Платоновым как «**Заместители пролетариата**» (партийно-административная номенклатура) и «**Нормализованная масса**» (обезличенная и манипулируемая властью значительная часть народной массы — идеал пропагандистской промывки мозгов), которые являются идеологически и классово значимыми понятиями, и в концептуально-семиотическом и терминологическом планах рассматриваются нами в качестве отдельных доминирующих на страницах «Котлована» концептов. В целом же вербовка таких внутренних агентов осуществлялась среди всех слоев населения.

В тексте «Котлована» Платонов неоднократно обращается к этой теме и делает особый акцент на таких сугубо негативных поведенческих характеристиках, присущих выражаемым этими концептами социальным группам, как «**потребность к жёсткому внешнему контролю сверху**» и «**страсть к доносительству**». В «Котловане» Козлов, проделавший на страницах повести стремительный путь от бездарного землекопа до заметного советского чиновника, всей своей карьерой был обязан именно своей способности к доносительству:

<...> Козлов <...> захотел уйти внутрь города, чтобы писать там опорочивающие заявления и налаживать различные конфликты с целью организационных достижений. [2, с. 30]

– Я сегодня в соцстрах пойду становиться на пенсию, – сообщил Козлов. – Хочу за всем следить против социального вреда и мелкобуржуазного бунта. [2, с. 41]

<...> он не хотел и был не в силах допустить вред для всего государства от несоответствующей линии прораба, он даже заволновался и поспешно умылся, чтобы быть наготове. [2, с. 39]

Козлов, по своему классовому праву являясь «**новым человеком**» новой системы, или вернее, **Нового мира**, ни на минуту не сомневается в том, чем он занимается, считая свою деятельность социально и политически полезной. Ведь именно в таких людях

испытывает особую потребность новое государство торжествующей социальной Утопии. Платонов отважился откровенно описать в «Котловане» этот **«синдром поисков и разоблачения врагов народа»**, совсем не заботясь о собственной безопасности. В повести платоновская ирония перерастает в жесткий сарказм, поскольку доноительство и репрессии становятся обыденной практикой в казенном государстве Козловых и Шариковых. Платонов так определяет отношение честного и прямодушного инвалида империалистической войны Жачева к Козлову, представителю этой классово избранной когорты людей:

Жачев ел деснами и молчал, предпочитая ударить сегодня же, но попозднее Козлова в живот, как рвущуюся вперед сволочь. [2, с. 39]

Понятны эти чувства инвалида Жачева, но из недавней истории и реалий советской жизни также ясно и то, что **инвалиды социализму не нужны**. Вспомним ранние стихотворения ещё совсем молодого Платонова из его дебютного поэтического сборника «Голубая глубина» (1922): *Лопнули мускулы. /Смерть человеку – /Брошен в колодезь последний калека, /Душу живую машина рассекла* (А. Платонов, стихотворение «Топот», 1920-1921) [3, с. 400-401]. Что же тут говорить об инвалиде Первой мировой войны Жачеве. Как и Жачев, миллионы советских инвалидов еще Первой мировой, Революции и Гражданской, а потом и Великой Отечественной скорбно «докатывали» свою героическую, но теперь уже тщетную жизнь на грубо сколоченных деревянных тележках на подшипниковом ходу:

<...> он, Жачев, скорее погибнет как уставший предрассудок. [2, с. 80]

<...> Весь слой грустных уродов не нужен социализму, и его вскоре также ликвидируют в далекую тишину. [2, с. 80]

Они устало меряют увеличенные своей малопочетной безноготью расстояния и ставшие уже совсем недостижимыми горизонты. Чугунными утюгами отталкиваются для движения по пропитанной трудовым потом негостеприимной для них родной советской земле. Е.А. Яблоков, комментируя роман Платонова «Чевенгур», также обращается к «Котловану» и к этой теме, пронзительно и безжалостно звучащей в повести:

«Мотив «человека-червя» своеобразно воплотился в повести «Котлован» в образе безногого инвалида Жачева; заметим, что в силу антиутопической направленности данного произведения метафора «человек ползающий» (а не «летающий», если вспомнить хрестоматийную горьковскую антитезу) не связана здесь с отрицательной оценкой: «близость к земле» не воспринимается как недостаток.» [5, с. 79]

М. Геллер в продолжение своей мысли о принципах и моделях формирования «нового человека» дает очень интересную трактовку открыто критикуемого Платоновым поворота классовой борьбы в сторону целенаправленного тотального обезличивания широких народных масс:

«<...> важнейшим этапом на пути к созданию «нового человека» был шок коллективизации, на десятилетия травмировавший сознание современников и потомков. Коллективизация была великой политической и психологической победой Сталина — осуществлением плана инфантилизации крестьянства. Подавляющее

большинство населения было вырвано с корнями из древнего уклада жизни, лишено самостоятельности. Андрей Платонов, единственный из советских писателей, понял и представил процесс строительства социализма как процесс превращения жителей страны в детей: живущих в страхе, послушно выполняющих даже самые нелепые приказы старших, лишенных всех старых представлений и понятий, подвергающихся непрерывной бомбардировке радио, газетами, агитаторами. «Остановите этот звук! Дайте мне ответить на него!» — напрасно взывает герой повести «Котлован» «среди шума сознания, льющегося из рупора». Но «шум сознания» продолжает без перерыва литься из рупора: родители учат детей, делают из них «новых советских людей». [1, с. 22]

Не на страницах «Котлована», а в реальной жизни **Нового мира** – так уж было заведено в этом полицейском государстве – секретные отголоски публичных размышлений и высказываний Платонова и информация и его критически направленной творческой, мыслительной и духовной активности доходили, а вернее, доводились «благожелателями» из его окружения до сведения тотально контролирующего советское общество органов госбезопасности. В другом доносе на политически резкие, острокритические высказывания Платонова скрупулезно, с поразительной подробностью цитируются его тревожные слова, содержащие бесстрашную отповедь новому типу авторитарного военизированного государства. Согласно Андрею Платонову, построение в СССР утопической модели государства основывается на слепом следовании марксистской доктрине и, по словам писателя, определяется **курсом на затемнение человеческого разума**:

*«Из донесения в 3 Отдел 2 Управления НКГБ СССР.
5 апреля 1945 г. (Имя осведомителя не публикуется).
<...> Он стал говорить о том, что чувствует себя гражданином мира, чуждым расовых предрассудков, и в этом смысле верным последователем советской власти. Но советская власть ошибается, держа курс на затемнение человеческого разума [жирный шрифт наш – В.Б.]. «Рассудочная и догматическая доктрина марксизма, как она у нас насаждается, равносильна внедрению невежества и убийству пытливой мысли. Все это ведет к военной мощи государства, подобно тому, как однообразная и не рассуждающая дисциплина армии ведет к ее боеспособности. Но что хорошо для армии, то плохо для государства. Если государство будет состоять только из одних солдат, мыслящих по уставу, то, несмотря на свою военную мощь, оно будет реакционным государством и пойдет не вперед, а назад. Уставная литература, которую у нас насаждают, помогает шагистике, но убивает душевную жизнь. Если николаевская Россия была жандармом Европы, то СССР становится красным жандармом Европы. Как свидетельствует история, все военные империи, несмотря на их могущество, рассыпались в прах. Наша революция начинала, как светлая идея человечества, а кончает, как военное государство. И то, что раньше было душой движения, теперь выродилось в лицемерие или в подстановку понятий: свободой у нас называют принуждение, а демократизмом диктатуру назначенцев.» [4, с. 33]*

Главное место в сознании уполномоченных властью «вершителей судеб» и бесчисленной армии карателей, а также миллионов их жертв начинают занимать партийные постановления, циркуляры и предписания. Циркуляры становятся регуляторами человеческих отношений и социального и гражданского поведения,

казуистически формулируя и «раскладывая по полочкам» предписываемые «партией трудящихся» канонические образцы межличностной и профессиональной коммуникации. Бумаги и резолюции идут нескончаемым потоком впереди террора и плановых классовых зачисток, проводимых властью с энтузиазмом первооткрывателей:

- *Мы же, согласно пленума, обязаны их ликвидировать не меньше как класс, чтобы весь пролетариат и батрачье сословие осиротели от врагов!*
- *А с кем останетесь?*
- *С задачами, с твердой линией дальнейших мероприятий, понимаешь что?*
- *Да, – ответила девочка, – это значит плохих людей всех убивать, а то хороших очень мало.*
- *Ты вполне классовое поколение, – обрадовался Сафронов, – ты с четкостью сознаешь все отношения, хотя сама еще малолеток.* [2, с. 54]

В случае с Платоновым мы можем наблюдать такую страшную особенность этой декларирующей всеобщее равенство власти, как сознательная патологическая репрессивность, которая во времена написания «Котлована» еще только набирала силу. Она уже начинала распространяться не только на классово чуждых элементов, но и на «своих», кровь от крови главных организаторов и вдохновителей социалистической революции, каковым являлся и Андрей Платонов. Революция начинала пожирать своих детей. Платонов не остался в стороне от пристального внимания изоцирено репрессивной системы. Владимир Тольц вспоминает:

«Еще в начале 1970-х я услышал от кого-то из «аэропортовских» (жителей «писательских» домов возле метро «Аэропорт» в Москве) мрачную шутку: Платонову-де «повезло» – его не посадили и не расстреляли; его творчество почтил своим вниманием сам Сталин, которому Платонов хотя и не понравился, но, несмотря на это, власть же не отлучила писателя от литературы. Ну, да, «не отлучила»! – Платонов так до конца жизни и прожил во флигеле на Тверском бульваре, во дворе Литинститута, который этот «русский Кафка», как уверяли некоторые его коллеги из Союза писателей, в качестве дворника подметал. И верно – «не посадили». Посадили по обвинению в шпионаже его 15-летнего сына, в 21 год умершего от приобретенного в лагере туберкулеза. (Ухаживая за сыном, от него заразился и отец.) Про невозможность публиковаться я уж сейчас не вспоминаю <...>» [4, с. 3]

Проявление классовой ненависти сопровождается разнузданным и беспощадным террором. Страх становится доминирующей чертой психологии советского «нормализованного» человека. По словам М. Геллера, «геноцид был необходимым элементом строительства социалистической утопии: он подтвердил превращение человека в абстракцию, превращение его в номер, в статистику» [1, с. 22]. Люди массово преследуются и могут быть репрессированы даже просто за их родственные связи – дети за родителей и родители за детей:

- *Немножко, – ответила мать. – Когда будешь уходить от меня, не говори, что я мертвая здесь осталась. Никому не рассказывай, что ты родилась от меня, а то тебя заморят. Уйди далеко-далеко отсюда и там сама позабудься, тогда ты будешь жива <...>* [2, с. 44]

Для символического изображения беспощадно звериной природы классовой борьбы Платонов использует аллегорический образ медведя. В русской и мировой культуре образ свирепого медведя олицетворяет собою грубую и неуправляемую, исступленно яростную физическую мощь и ненависть. У платоновских большевиков в «Котловане» сюрреалистический классово активный медведь выступает в роли добровольного легионера-карателя – как беспощадная «карающая рука», когтистая медвежья лапа «социалистического правосудия»:

*– Покушай, Миша! – подарил мужик блин молотобойцу.
Медведь обернул блином лапу и ударил через эту печеную прокладку кулака по уху,
так что мужик вякнул ртом и повалился. [2, с. 79]*

Главной политической задачей, декларируемой утопической властью, является создание качественно **«Нового человека»**, отвечающего всем строгим идеологическим критериям и установкам. Остальных – безжалостно ликвидировать. Сначала буржуазию, кулачество. Потом – очередь врагов народа, умело маскирующихся среди самого этого народа. Установка на создание **«Нового человека»** в устах адептов **Нового мира**, представителей Советской власти, означает приговор **Старому миру** и тем людям, с которыми он ассоциируется:

<...> малые единоличные дома опустеют, их непроницаемо покроет растительный мир, и там постепенно останоят дыхание исчахшие люди забытого времени. [2, с. 23]

– Меня нахождение сволочи мучает, и я хочу спросить тебя, когда вы состроите свою чушь, чтобы город сжечь! [2, с. 36]

Участник гражданской войны, Платонов как писатель, обладающий драматически обостренным мироощущением, морально считал себя вправе анализировать, строго спрашивать и требовать разъяснения происходящего в новой советской действительности. И в своем творчестве, и в своей жизни и общении он постоянно задавался вопросом, куда же приводит его современников и идеологически стреноженное советское общество эта утопическая идея с тяжелым стальным кулаком. В «Котловане» Платонов дает ответ на этот риторический, но не отстраненный, не абстрагированный от социалистической реальности вопрос:

Это монархизму люди без разбору требовались для войны, а нам только один класс дорог, да мы и класс свой будем скоро чистить от несознательного элемента.

– От сволочи, – с легкостью догадалась девочка. – Тогда будут только самые-самые главные люди! Моя мама себя тоже сволочью называла, что жила, а теперь умерла и хорошая стала, правда ведь? [2, с. 54]

<...> есть на свете неведомая сила, которая оставила в деревне только тех средних людей, какие ему нравятся, какие молча делают полезное вещество и чувствуют частичное счастье <...> [2, с. 82]

При всем массовом и внешне обезличенно-казенном характере репрессий, за всем разгулом и вакханалией насилия в стране стояли совершенно конкретные лица. Роль личности в истории страны наглядно проявлялась в иерархичности системы советской власти. Данная утопическая система декларировала себя как «власть Советов» и систему политического руководства и административного и хозяйственного управления,

имеющую в своей основе коллективное начало. При этом иерархия власти в стране, помимо разгула партийного волюнтаризма в принятии решений любого уровня, была построена на диктатуре личной власти бессменного руководителя коммунистической партии и «Отца народов» Иосифа Сталина, а также его «ближнего круга», узкой группировки зависимых от него сподвижников. Таким образом, главным и наиболее страшным порождением власти *заместителей пролетариата* являлся неограниченный **Культ личности** в его самой радикальной, дикой форме. Платонов недвусмысленно говорит об этом в «Котловане». Уже одно это обрекало его книги на бессрочный запрет:

- <...> вы сделаете изо всей республики колхоз, а вся республика-то будет единоличным хозяйством!
- <...> Не твое дело, стервец! Мы можем царя назначить, когда нам полезно будет, и можем сибибить его одним вздохом <...> А ты – исчезни!
- Здесь Чиклин перехватил мужика поперек и вынес наружу, где бросил в снег <...>
- Ликвидировали?! – сказал он из снега. – Смотрите, нынче меня нету, а завтра вас не будет. Так и выйдет, что в социализм придет один ваш главный человек. [2, с. 79]

Заключение

С большим опозданием дошли до нас горькие и звучащие отчаянным предупреждением многим новым поколениям критические мысли и размышления Платонова, заложенные в его ранее официально запрещенных ключевых прозаических текстах, пьесах, киносценариях и даже в тайных донесениях на него в органы госбезопасности. Эти мысли писателя помогают понять, насколько глубоко он осознал и прочувствовал изнутри утопическую и тоталитарную суть существующей тогда политической системы. Гневным обличением этой системы, поставившей на поток производство идеального «**Нового (Железного) человека**», и явилась платоновская Антиутопия, нашедшая в повести «Котлован» свое концентрированное выражение и вступившая в ней в жесточайшую коллизию с Утопией.

С момента появления ранних платоновских стихов и до написания «Котлована» прошло почти десять лет. Время многое изменило и в самом Платонове, и в жизни всей страны, и в жизни его вымышленных героев и их реальных прототипов. Здесь наглядно проявляется **проблема адресата** повести «Котлован». Мы знаем из недавней советской истории страны не только то, что Платонов смог увидеть сам, но и то, о чем он мог провидчески догадываться и против чего взывали с большой долей убежденности его книги-предупреждения. Поколения, появившиеся на свет уже после Платонова, также вынуждены были пройти дорогой разного рода жертв и лишений и пережить то, против чего Платонов так решительно предостерегал своих современников.

References:

1. Geller M.Ja. (1985/1994). Mashina i vintiki. Istorija formirovanija sovetskogo cheloveka. Izdatel'stva London 1985, Moskva: «МИК», 1994. Internet-resurs: 14.09.2014 http://www.krotov.info/history/11/geller/gell_21.htm.
2. Platonov A.P. (1988). Kotlovan. Moskva: Knizhnaja palata.
3. Платонов А.П. (2004). Сочинения. Книга стихов «Голубая глубина»: стихотворение «Топот», 1920-1921. Научное издание. Том I, Книги 1-2, под ред. Н.В. Корниенко. Москва: ИМЛИ РАН, сс. 400-401.
4. Shentalinskij V., Tol'c V. (2012). Opublikovannyj v Internetе pis'mennyj tekst radiointerv'ju Vitalija Shentalinskogo, avtora trilogii «Raby svobody», «Donos na Sokrata» i

«Prestuplenie bez nakazanija», zapisannogo na Radio Svoboda, v hode programmy Vladimira Tol'ca cikla «Repressirovannaja lite-ratura v arhivah palachej» – Andrej Platonov». Internet-resurs, opublikovano 11.02.2012: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24480506.html>.

5. Jablovkova EA. (2001). Na beregu neba (Roman Andreja Platonova «Chevengur»). Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «Dmitrij Bulanin».

Information about the author:

Vassili Bouilov (Helsinki, Finland) – Doctor of Philosophy (FT/PhD) Senior lecturer of Russian Language and Translation, University of Eastern Finland (UEF), Faculty of Philosophy, School of Humanities, Foreign Languages and Translation Studies, Василий В. Буйлов, Университет Восточной Финляндии, Йоэнсуу, Финляндия.

E-mail: vassili.bouilov@uef.fi, Mob. +358414539704 Home and personal post address: Vassili Bouilov, Eerikinkatu 23 A11, 00180 Helsinki, Finland

The Member of Union of Translators of Russia (UTR)

The Expert of the Guild of Linguistic Experts in Documentation and Information Disputes, the Member of GLEDID Scientific and Advisory Council, the Member of GLEDID Editorial Board, the Official Representative of GLEDID in Finland (GLEDID, A Russian and International NGO/non-governmental non-profit organization, Moscow, Russian Federation).

Published scientific works – about 70 items (lingua-Stylistic, Lingua-Cultural, Literary, Semiotic and Translation Studies, Cross-Cultural Communication, Specialization in different aspects of Andrei Platonov's Idiostyle, Ontology and other writer's Creative Activities, i.e. Platonovovedenie).

Author's contribution: *The work is solely that of the author.*